

В. Г. Миронова

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ДВИНСКИХ АКТОВ

Проблема датировки двинских актов представляется довольно сложной, несмотря на то, что «время их написания» определяется эпохой Новгородского (хотя и не исключительного) владычества на Двине¹. Это обстоятельство, конечно, в значительной степени сужает хронологические рамки составления двинских грамот, ограничивая позднюю дату концом XV в., т. е. временем покорения Новгорода московским великим князем, но не дает никаких конкретных указаний на время составления каждого отдельного акта внутри этих рамок. В большинстве случаев датировка актов производится на основе логических рассуждений и сопоставлений, упоминаемых в грамотах исторических лиц с известиями других письменных источников. Это позволяет определить время составления актов относительно друг друга. Далее, исходя из какого-либо точно датированного факта и связывая его с данными актов, в некоторых случаях устанавливается абсолютная дата документа, в других — более или менее уточняется.

В основу нижеследующей датировки двинских актов положено деление их на хронологические группы в сборнике грамот Великого Новгорода и Пскова², которое, в свою очередь, опирается на исследования А. А. Шахматова. В настоящей работе речь идет только о документах, датировка которых пересматривается, а также о тех, которые представляются наиболее значительными при решении вопроса об общих принципах частноправовой дипломатики.

Акты первой группы (№№ 123—127), датируемые концом XIV—началом XV вв., не поддаются более конкретному определению времени составления отдельных грамот, поэтому

¹ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903, стр. 1.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 182—277. Далее ГВНиП.

датировка их остается такой же общей. Однако в этой группе имеется одна грамота (№ 127), которая именем Ивана Даниловича, связана с грамотой № 130, датируемой в сборнике началом XV века³. В обоих случаях предметом сделок является один и тот же участок земли в Соломбале за Волоком, сначала приобретенный Иваном у чернецов святого Спаса (№ 127), а затем — проданный Василию Федорову и его братьям (№ 130). Сама последовательность совершаемых сделок указывает на более позднее составление рядной № 130. Но одно обстоятельство позволяет датировать этот акт более точно. В рядной № 130 Иван Данилович назван новгородским посадником, в то время, как в отписи № 127 его имя еще не сопровождается этим титулом. Известно, что Иван Данилович вступил в эту должность не позднее 1415 года⁴, следовательно, этим временем нужно обозначить раннюю дату грамоты № 127. Крайней же поздней датой составления рядной № 130 можно считать 1416—1417 гг., когда упомянутый здесь послухом тысяцкий Александр Игнатьевич становится новгородским посадником⁵. Учитывая же, что под 1411 годом Иван Данилович упоминается в летописном сообщении еще без посадничьего титула⁶, то возможное время составления рядной № 130 ограничивается 6—7-ю годами: 1411—1416/17 гг.

Вообще следует отметить, что появление первых двинских актов, датируемых концом XIV—началом XV вв., как кажется, неразрывно связано с внутривосточными событиями, происходившими в Заволочье в конце XIV в. Речь идет об отложении Двинской Земли от Новгорода в 1397 г. и в связи с этим — столкновении Новгорода с Москвой⁷. Эти события привели, по-видимому, к существенным изменениям в административном управлении в Заволочье. Результатом этого явились, вероятно, и законы, устанавливающие новый порядок делопроизводства. Очевидно, именно с этого времени становится обязательным составление письменных актов и скрепление их печатью должностного лица. Такие меры позволяли Новгороду контролировать процесс перераспределения земельной собственности и не допускать в Новгородских владениях низовского влияния. Должностным лицом, получившим право скрепления именной буллой юридических документов в Заволочье стал двинской владычный наместник. Доказательством этого служат и сфрагистические материалы — на рубеже XIV—XV столетий из общей

³ ГВНИП, стр. 186.

⁴ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 238.

⁵ Там же, стр. 248.

⁶ НПЛ, стр. 402.

⁷ Там же, стр. 389.

массы печатей архиепископских наместников резко выделяется новый тип булл двинских владычных наместников.

Из следующей группы актов (№№ 128—131), датированных началом XV в.⁸, с точки зрения уточнения датировки интересна одна грамота — № 128. Дело в том, что скрепляющая ее печать отличается от всех булл, сохранившихся при двинских актах. Она плохо сохранилась, но изображение на ней рассмотреть все-таки возможно: на одной стороне ее изображен простой крест, а на другой — богоматерь «Знамение» в рост⁹. Подобная печать скрепляет купчую № 252, датированную XV в.¹⁰. Обе эти печати относятся к типу анонимных булл новгородских архиепископов; первая из них (при грамоте № 182) датируется последней четвертью XIV века и вторая (при грамоте № 252) — первой четвертью XV в. Соответственно должны быть датированы и акты, скрепленные этими буллами.

Значительную группу (№№ 132—141) представляют грамоты, отнесенные составителями сборника к первой четверти XV в.¹¹. Особенно интересна среди них рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами (№ 132), которая хранится в библиотеке Красинских в Варшаве. Эта рядная представляет собой мирный договор в спорном деле — грабеже части наследства, принадлежащего Леонтию Зацепину по какому-то «Софронову рукописанью». На основании полученного убытка в 50 рублей Леонтий обратился в суд, по решению которого княжеостровцы обязались уплатить ему 2000 белок и «срядишася по старому ряду». Грамота интересна тем, что написана от имени властей: от посадника Василия Юрьевича, от посадника Аврама Степановича, от Васильева наместника Мины Андреевича и, наконец, от сотского Ивана, которые, по-видимому, и вершили этот суд. Некий Василий Юрьевич упомянут в летописи под 1417 годом как посадничий сын¹²; никаких более подробных сведений о его деятельности нет. Аврам Степанович известен как новгородский тысяцкий (до 1423 г.)¹³ и посадник после 1423 г.¹⁴. О времени наместничества Мины Андреевича никаких данных нет, вследствие чего его имя не может быть привлечено

⁸ ГВНИП, стр. 185—187.

⁹ ЛСА, XIX, 2; П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов. СА, 1964, № 3, рис. 2, № 5.

¹⁰ ГВНИП, стр. 263.

¹¹ Там же, стр. 188—194.

¹² НИЛ, стр. 407.

¹³ В договорной грамоте Великого Новгорода с ганзейскими городами (ГВНИП, стр. 102, 103, № 62), датированной февралем 1423 г., Аврам Степанович назван тысяцким.

¹⁴ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 266.

для уточнения времени составления акта¹⁵. Несколько слов можно сказать об одном из участников этого ряда, а именно о посаднике Василии Юрьевиче. В. Л. Янин отождествляет его с «посадничьим сыном», а конкретнее — с сыном Юрия Дмитриевича, представителя Славянского конца, поскольку в начале XV в. среди посадников известны только два Юрия: уже названный Юрий Дмитриевич и Юрий Онцифорович. «С потомством Юрия Онцифоровича после обнаружения берестяных грамот, связанных с его семьей, мы хорошо знакомы, но в этих грамотах ни разу не упомянут Василий Юрьевич»¹⁶. Кроме того, отмечает В. Л. Янин, именем сотского Ивана рядная Леонтия Зацепина связана с новгородской правой грамотой Власа Тупицына, написанной от имени посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича. Яков Федорович, сын Федора Тимофеевича — достоверный славянский посадник, следовательно, сотский Иван, как представитель славянского конца, должен определять и принадлежность к нему Василия Юрьевича¹⁷. По поводу же классификации правой Власа Тупицына возникает ряд соображений, касающихся места ее составления. В сборнике грамот Великого Новгорода и Пскова этот документ отнесен к группе новгородских частных актов на том основании, что он является примером кончанского делопроизводства. Действительно, на первый взгляд подобное предположение кажется весьма правдоподобным: кончанские власти в лице своих посадников решают спорное дело одного из своих жителей — Власа Тупицына — по поводу спора его с княжеостровцами. Печати, скрепляющие этот акт, принадлежат также вышеназванным посадникам. Но одно немаловажное обстоятельство ни в коей мере не согласуется с вышеизложенным выводом. Речь идет об участниках ряда — княжеостровцах. Из содержания акта явно следует, что суд проходил на месте спора — на Князьем острове: «... и Вячеслав (староста?) и вси княжеостровцы сташа на суд... и посадники вспросиша Уласка...»¹⁸. Трудно предположить, что для решения такого довольно обыденного спора новгородские посадники поехали в столь удаленный от города район. Предположение о том, что суд был в самом Новгороде также отпадает: «вси княжеостровцы» не поехали бы в город, чтобы «стать на суд», это было бы для них слишком дорогим путешествием. Такие же обстоятельства наблю-

¹⁵ В этой связи следует только отметить, что Мина Андреевич мог быть наместником московских великих князей Василия Дмитриевича (1389—1425) или Василия Васильевича (1425—1462).

¹⁶ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 260.

¹⁷ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 260.

¹⁸ ГВНИИ, стр. 148.

даются и в рядной Леонтия Зацепина; только здесь круг судебных представителей расширен за счет княжеского наместника Мины Андреевича. Учитывая эти замечания, вполне возможно следующее предположение: в обоих случаях судебный процесс велся представителями местных органов власти, в компетенцию которых входило разбирательство спорных дел, жалоб и т. п., то есть решение всех вопросов, связанных с управлением Двинской Земли. Среди них — Мина Андреевич, наместник великого князя; Иван — княжеостровский сотский; и, наконец, посадники, вопрос об отношении которых к местному управлению остается пока нерешенным. Однако летописные данные и актовый материал, касающийся внутреннего управления Новгородской земли, дают сведения о существовании в Заволочье так называемого двинского посадника. Так, в грамоте Новгорода на Двину говорится: «...от великого князя,... от посадника,... от тысяцкого... и от всего Новгорода к двинскому посаднику на Колмогоры...»¹⁹, а в жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю — «...ино двинским посадникам колмогорским... с возов не имати гостинного ничего»²⁰. В таком случае вполне правомерным и не лишеным основания будет предположение о том, что названные в наших актах посадники являлись представителями не городской власти, а управляли должностью двинских посадников; причем исследуемые акты указывают, что одновременно эту должность занимали два человека. Однако цитируемая выше грамота Новгорода на Двину имеет в виду только одного посадника, причем в обращении к нему не называется даже его имя. Время составления этого акта — 1328—1341 гг.²¹, наши же грамоты, составленные уже от имени двух посадников, написаны в начале XV столетия. Вполне вероятно, что за столь продолжительное время этот институт власти претерпел значительные изменения, приведшие к тому, что число двинских посадников удвоилось. Причину этого явления следует искать как в событиях собственно двинских, так и внутриновгородских. В конце XIV в. Двинская земля явилась ареной бурных событий, вплоть до вооруженного столкновения Новгорода с Москвой, а после победы Новгорода — окончательного упрочения там Новгородской системы административного управления.

В этой связи кажется не случайным и образование двойного представительства в институте двинского посадничества именно в то время, когда в самом Новгороде удваивается, а далее и утраивается число одновременно действующ-

¹⁹ ГВНИЦ, стр. 142, № 85.

²⁰ Там же, стр. 150, 151.

²¹ Там же, стр. 142.

щих новгородских посадников, явившееся результатом реформы 1416—1417 гг.²².

К вопросу о двинских посадниках мы еще вернемся в связи с другими актами, а пока попытаемся установить время составления двух из них: правой Власа Тупицына и рядной Леонтия Зацепина. Ранее датировка этих грамот производилась на основании посадничества упомянутых здесь лиц в Новгороде. Признавая же тот факт, что Яков Федорович, Иева Тимофеевич (№ 92), Василий Юрьевич и Аврам Степанович (№ 132) в данных актах выступают в роли двинских посадников, следует несколько уточнить предлагаемую датировку, принимая во внимание то обстоятельство, что двинское посадничество было более низшей ступенью, чем собственно новгородское. Таким образом, период занятия должности двинского посадника является, несомненно, более ранним, чем тот, когда бывший двинской посадник избирался на должность новгородского. Так, грамота № 92 должна быть датирована временем до 1416—1417 гг., т. е. до того момента, когда Яков Федорович становится новгородским посадником²³. Рядная Леонтия Зацепина (№ 132) составлена до 1423 года, т. к. под этим годом Аврам Степанович назван тысяцким²⁴. Данный пример наглядно иллюстрирует карьеру одного из видных политических деятелей Новгорода — Аврама Степановича: от двинского посадника к должности тысяцкого и далее до новгородского посадника.

Из следующей группы актов, относящихся ко времени не ранее 1-ой четверти XV в., интересна грамота № 143, фиксирующая куплю Михайловским Архангельским монастырем половины села в Тойнокурьи у Авдука и Фраля. (Сделка происходила при участии игумена Ивана и старосты Степана)²⁵. Между тем покупка другой половины села (при игумене Акакии и старосте Федоре) зафиксирована купчей № 233 и датируется составителями сборника, вслед за А. А. Шахматовым, 2-ой половиной XV столетия²⁶. В таком случае получается, что приобретение второй половины села произошло спустя значительный промежуток времени, в течение которого, по А. А. Шахматову, в Михайловском монастыре сменился еще один игумен — Андреян. К такому выводу А. А. Шахматов приходит на основании сопоставления двух других актов: №№ 210 и 214²⁷, в которых при игумене Андреене упомянуты два старосты — Степан и Фе-

²² В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 250, 251.

²³ Там же, стр. 246.

²⁴ ГВНИЦ, стр. 102, 103, № 62.

²⁵ Там же, стр. 194, 195.

²⁶ Там же, стр. 252.

²⁷ Там же, стр. 237 и 239, 240.

дор. Следовательно, в его игуменство, наступившее вслед за Иваном, произошла смена старост: место Степана занял Федор. Далее рассуждения А. А. Шахматова таковы: поскольку в грамоте № 233 зафиксировано совместное упоминание игумена Акакия и старосты Федора, следовательно, Акакий занял эту должность после Андреяна. Такое довольно убедительное на первый взгляд построение при внимательном и основательном анализе не выдерживает критики. Во-первых, такой порядок игуменства предполагает отправление Степаном должности старосты при трех игуменах — Луке, Иване, Андреяне, что отчетливо видно из таблицы:

№№	игумен	староста
123	Лука	—
124	Лука	Василий
126	—	Василий
125	Лука	Степан
142	Иван	—
143	Иван	Степан
210	Андреян	Степан

Если учитывать, что должность игумена была почти всегда пожизненной, то приходится думать, что Степан занимал свое место по меньшей мере 40—45 лет. Такое обстоятельство кажется невероятным, поскольку в этом случае Степан занял должность старосты молодым человеком, что не было принято в духовной обители, видевшей в старосте человека уважаемого, умудренного жизненным опытом, а, следовательно, уже немолодого.

Во-вторых, как уже говорилось, в таком случае приобретение села у Авдука и Фраля растягивается на слишком длительный промежуток времени, в то время, как монастырская братия никогда не упускала возможности как можно быстрее приобрести дополнительные участки земли, тем более, что владение одной половиной села, вероятно, создавало неудобства в его эксплуатации в качестве земельного участка. Для окончательного решения этого вопроса следует обратиться к актам № 210 и № 214. Оба они связаны между собой судьбой одного участка. Грамота № 214 фиксирует куплю Михайловского Архангельского монастыря, а именно игумена Акакия и старосты Федора, у Василия Федорова села на Косткове горе, причем в акте подробно описаны причины и условия этой купли: в свое время

Софонтий Акинфов, дед Василия, заложил свою отчину Михайловскому монастырю «за девять рублей серебра да полтретьяц сороков белки, да девять пудов жита»²⁸ с условием выкупа. Но ни Софонтий, ни его сын Григорий не выкупили села, так что Василий был вынужден «уступить» его монастырю за незначительную компенсацию. Грамота же № 210 представляет собой не что иное, как закладную Софонтия Михайловскому монастырю, выраженную в форме духовной старосты Степана; причем в конце акта подпись: «А на то послух, отец мой духовный игумен Андреян святого Михаила»²⁹, которая и ввела в заблуждение А. А. Шахматова, полагавшего, что Андреян — современник Степана. Однако трудно согласиться с тем, что Андреян игуменствовал в течение столь долгого времени — почти трех поколений — Софонтия Акинфова, его сына Григория и внука Василия. Как кажется, дело здесь в следующем: по истечении срока заклада дедом села, Василий вынужден был «продать» его монастырю, интересы которого представляли в это время игумен Андреян и староста Федор. Для более делового и документального оформления этой сделки была привлечена и духовная Степана, отражающая условия заклада этого села дедом Василия — Софонтием Акинфовым. Очевидно, в первоначальном своем виде духовная не имела приписки игумена Андреяна, поскольку обычно имена послухов перечисляются одно за другим без всяких выделений. В данном же случае слова «... а на то послух... Андреян...» стоят после такого же выражения «... а на то послухи Иван Леонтьевич, Давыд Ондrejaнович». По той причине, что акт сохранился в списке XVII в., неизвестно, была ли приписка об Андреяне нанесена на оригинал духовной Степана или был составлен новый список с нее, заверенный рукой Андреяна. Во всяком случае, совершенно определенно можно сказать: игумен Андреян не был современником Степана и их деятельность в области управления монастырским хозяйством разделялась большим промежутком времени. Отсюда следует, что Федор сменил Степана не при игумене Андреяне, а несколько раньше.

Возвратимся теперь к грамотам № № 143 и 233, датировка которых была определена А. А. Шахматовым с большим хронологическим разрывом. Теперь же, учитывая, что староста Федор упомянут с двумя игуменами — Акакием (№ 233) и Андреяном (№ № 212—214), можно предположить, что Акакий был не преемником Андреяна, а его предшественником.

²⁸ ГВНИП, стр. 240.

²⁹ Там же, стр. 237.

№№	игумен	староста
123	Лука	—
124	Лука	Василий
126	—	Василий
125	Лука	Степан
143	Иван	Степан
142	Иван	—
233	Акакий	Федор
210	Андреян дополнил	—
212—214	Андреян	Федор
211	Андреян	—

Такое построение ликвидирует все противоречия. Степан оказывается современником двух игуменов — Луки и Ивана. Эта обычная продолжительность срока деятельности не вызывает никаких подозрений, как это было в схеме игуменства, предложенной А. А. Шахматовым. Купчая № 233 по времени составления приближается к купчей № 143, следовательно, должна быть датирована временем, близким к первой четверти XV столетия.

Из многочисленной группы актов, датируемых серединой XV в. (№№ 153—216)³⁰, и, в частности, из актов, отражающих деятельность Мелентия Чеваки, по своей значимости выделяются два: купчие №№ 182 и 183, почти дословно повторяющие друг друга. (Текст грамоты № 182 имеет незначительное дополнение: «... а в ту поскотину скота не пуцали, поскотина у них своя и тягло у них свое с княжеостровцами»)³¹. А. А. Шахматов объясняет причину сосуществования этих двух аналогичных документов следующим образом: «Я признаю оба эти документа за современные копии, сделанные притом, как видно по их почерку, одним писцом»³², и подтверждает свое мнение тем, что почерк этого копииста отличается от почерка грамоты № 177 (купчей Федора Макарова у Онцифора Андроникова сына), хотя все эти грамоты должны иметь одинаковый почерк, поскольку все они написаны Григорием, дьяком святого Спаса. О причине составления копий А. А. Шахматов не говорит.

Однако одно обстоятельство, связанное с оформлением этих актов, не позволяет относиться к ним как к простым копиям. Дело в том, что одна из этих грамот (№ 182) скреплена печатью Патракея Дмитриевича, другая же — (№ 183) печатью Фомы Есифовича. Если бы эти грамоты были обык-

³⁰ ГВНИП, стр. 201—241.

³¹ Там же, стр. 220.

³² А. А. Шахматов. Ук. соч., стр. 100.

новенными современными оригиналу копиями, составленными по какой-либо неизвестной нам причине, то, несомненно, они были бы утверждены одним лицом, т. е. имели бы одинаковые печати. В данном же случае печати принадлежат не только разным лицам, но и различны по своему оформлению: булла при грамоте № 183 — обычная, т. е. по своему типу аналогична печатям, скрепляющим большинство двинских актов: на одной стороне надпись: «печать Фомы Есифовича», на другой — изображение шестиконечного креста на подножии. Как установлено, такие печати принадлежали владычным наместникам, в данном случае — двинским. Совершенно иной тип буллы представляет собой та, которая скрепляет грамоту № 182. Здесь на одной стороне надпись: «печать Патракея Дмитриевича», на другой — изображение птицы, окруженной точечным орнаментом. По своему внешнему виду и изображению она должна быть отнесена светскому институту власти. (Подобного типа печати принадлежат новгородским посадникам, однако они всегда несут обозначение их титула)³³. При решении вопроса о принадлежности данной буллы и причине составления дубликата грамоты приходится пользоваться, к сожалению, только умозрительными рассуждениями и логическими сопоставлениями, поскольку недостаточность материала не позволяет делать всесторонне доказанных выводов.

В этой связи следует упомянуть и грамоты №№ 146 и 147³⁴, представляющие собой подобное повторение друг друга. А. А. Шахматов принимал грамоту № 147 за последующее дополнение грамоты № 146. Однако вызывает сомнение то обстоятельство, что в называемой им дополнительной купле перечисляются и ранее купленные земли и прикупленные позднее, а цена — только последних, в то время, как следовало бы ожидать указания общей стоимости всего участка. Как кажется, дело здесь в следующем: при сделке купли-продажи Якова Дмитриевича и Костковых детей были составлены два аналогичных акта, но так как эти акты дошли до нас в списках XVII в., то различие в их тексте следует объяснять невнимательностью или ошибкой переписчика. И действительно, написание цены в обоих случаях отличается только одним словом: «пять сороков бел» в грамоте № 146 и «сорок белки» — в № 147. К сожалению, неизвестно, какими печатями были скреплены эти акты, поэтому они не могут быть привлечены в качестве примера, аналогичного актам № 182—183.

³³ Среди новгородских посадников имени Патракея Дмитриевича нет.

³⁴ ГВНиП, стр. 197.

Грамота же № 208³⁵, сохранившаяся в подлиннике, скреплена печатью такого же типа, как и грамота № 182: на одной стороне надпись: «печать Василия Степановича», на другой — изображение всадника с копьем в правой руке. Деятельность Василия Степановича в качестве посадника Славенского конца 50-х — 60-х годов XV в. хорошо известна по летописным сообщениям и актовому материалу. Во всяком случае, к 50-м годам, а именно ко времени составления окончательной грамоты Славенского конца с Иваном Губаревым, Василий Степанович был уже новгородским посадником³⁶, следовательно, его деятельность в Заволожье должна быть отнесена к более раннему времени.

Подобен рассматриваемым актам и документ № 253 — данная посадника Терентия Богородской церкви на земли на Князьем острове³⁷. Скрепляющая его булла не сохранилась, но в Архангельском историко-литературном сборнике она описана следующим образом: на одной стороне надпись — «Терентия печать», на другой — изображение зверя³⁸.

Акт № 192 скрепляет аналогичная булла, которую также следует отнести к особой группе выделенных нами печатей. Она имеет только надпись «Есифова печать». Однако эта грамота написана одновременно с грамотой № 191, но последняя скреплена печатью владычного наместника Тимошки³⁹.

Все эти факты подтверждают возможность одновременного скрепления актов-дубликатов буллами разных должностных лиц. В качестве возможного решения вопроса о причине составления двух экземпляров актов, фиксирующих одну и ту же сделку, а также факте скрепления подобных документов печатями разных должностных лиц можно привести ряд соображений. Одно из них заключается в том, что в двинском делопроизводстве могла существовать система одновременного составления двух противней для обеих сторон — участников сделки, как это было характерно для составления государственно-правовых договорных актов. Но в таком случае эти противни должны были утверждаться одним лицом (или лицами), что противоречит нашим данным. К тому же никаких доказательств и примеров в пользу такого предположения среди двинских документов не имеется. По этой причине высказанное предположение следует считать несостоятельным.

³⁵ ГВНиП, стр. 236.

³⁶ Там же, стр. 172, № 112; датировку см. В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 320.

³⁷ ГВНиП, стр. 263.

³⁸ Среди новгородских посадников имени Терентия нет.

³⁹ ГВНиП, стр. 266. В обоих случаях речь идет об одном селе и условиях дарения его Богородицкому монастырю.

Другое объяснение исходит из несколько иного понимания этого процесса. Не отрицая одновременного составления двух равнозначных актов, вполне вероятно предположение о другом их назначении: один из них предназначался для покупателя в качестве документа, гарантирующего неприкосновенность его новой собственности; другой же — должен был находиться в архиве какого-либо должностного лица с целью более гарантированного сохранения, а в случае спора или подделки являться в качестве документального свидетельства. В таких обстоятельствах вполне допустимо привлечение к юридическому оформлению актов — скреплению их печатями — представителей двух разных институтов власти. Например, акт, идущий покупателю, скреплялся печатью владычного наместника, а акт, поступающий в архив, — печатью светского представителя местной власти, каким в Заволочье был двинской посадник. В таком случае можно думать, что скрепляемый двинским посадником противень хранился в его собственном архиве. Таким хранилищем документов мог быть архив при резиденции двинского посадника в Холмогорах. Исключительная немногочисленность документов, скрепленных печатями двинских посадников, объясняется довольно просто. Неоднократные пожары в Архангельске и Холмогорах, о которых сообщают письменные источники, прямо указывают на гибель множества документов, среди которых, как можно полагать, были и двинские акты из древлехранилища двинского посадника⁴⁰. Документы же, идущие покупателям, хранились ими в основном в монастырских архивах, которые выполняли роль «несгораемых ящиков». Кроме того, монастыри, как крупные земельные собственники, получали акты от прежних землевладельцев при различных поземельных сделках. В таких случаях прежний владелец участка, хранивший у себя все грамоты, которыми успело обрести владение в процессе передачи его от одного собственника к другому, передавал всю эту документацию новому владельцу — монастырю, который теперь уже хранил документальные доказательства на право владения новой собственностью. Как кажется, именно эти причины лежат в основе немногочисленности особого типа печатей, принадлежащих двинским посадникам, а именно булл, подобных скрепляющим акты №№ 92, 182, 192, 208, 253. К тому же трудно

⁴⁰ В 1723 г. был учрежден Архангельский магистрат, в который были переведены Холмогорские документы, а 26 ноября 1738 г. произошел «Большой архангельский пожар», в котором городская ратуша сгорела с «письменными древних лет холмогорскими делами». — В. В. Крестинин. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790, стр. III.

согласиться с мыслью о том, что отправление такой важной должности, какой являлось двинское посадничество, не повлекло за собой появления особого вида печатей, поскольку почти каждый сколько-нибудь значительный институт новгородского государственного аппарата имел собственный тип булл.

При выделении названных печатей в особый тип булл, принадлежащих двинским посадникам, можно опираться на их оформление: ни одна из печатей не имеет надписи, содержащей указания на титул «новгородского посадника», которые имели место на буллах городских посадников.

Как уже отмечалось, в формировании института двинского посадничества различаются два периода: исполнение этой должности одним человеком и созместное отправление ее двумя. Как представляется, с помощью известных фактов можно выяснить причины и время такой эволюции норм представительства в этом органе власти Заволочья.

Кроме уже упомянутого документа 1328—1341 гг., где говорится об одном двинском посаднике⁴¹, следующие данные о нем приходится искать только в описании двинских событий 1397—1398 гг. Прямых указаний на участие в этих событиях двинского посадника нет, но одно имя, часто упоминаемое летописцем в связи с перечислением наиболее активных участников и даже предводителей новгородской оппозиции, заставляет более внимательно отнестись к этим сообщениям. Речь идет об Иване Микитине, имя которого впервые встречено в сообщении о том, кто «задался князю великому» — «... и двиняне, Иван Микитин, и бояре двинские и вси двиняне...»⁴². Дальнейшее развитие событий и превращение их в военное столкновение с Новгородом, выдвигают Ивана вместе с неким Кононом в двинские воеводы, которые после поражения были взяты в плен и сурово наказаны: Конон был, по-видимому, казнен сразу, а «переветника» Ивана Микитина «скинуша с мосту» по возвращении его в Новгород⁴³.

Вполне очевидна ведущая роль Ивана Микитина в подготовке и проведении этого антиновгородского выступления. Также бесспорно и его высокое положение среди всех двинских бояр и двинян вообще, позволившее ему стать во главе всей оппозиции. Такая власть могла сосредоточиться только в руках двинского посадника, поскольку он не мог остаться в стороне от этого выступления, примкнув к той или другой группировке. Коль скоро мы не находим никаких других сообщений об участии в этих событиях двинско-

⁴¹ ГВНИИ, стр. 142, № 85.

⁴² НПЛ, стр. 389.

⁴³ Там же, стр. 393.

го посадника, вполне логично предположение, что в данный момент эту должность занимал Иван Микитин. В этой связи интересным представляется тот факт, что он назван летописцем среди двинских бояр и двинян, причем совершенно очевидно общность их интересов и действий. Это обстоятельство дает возможность предполагать, что Иван Микитин — представитель именно двинского боярства, выдвинутый им на должность посадника. Это предположение довольно убедительно подтверждается фактом абсолютной невозможности подобного его поведения при том условии, что двинской посадник был представителем новгородского боярства. Кажется невероятным, что ставленник Новгорода, представитель его интересов в Заволочье, был бы таким ревностным поборником союза с Москвой, который явился причиной новгородско-низовского столкновения.

Совершенно иную картину наблюдаем в 1401 г., когда в летописи помещено сообщение о заключительном этапе этой борьбы: велением князя великого Анфал Микитин (брат Ивана) да Герасим Растрига (также участник событий 1397—1398 гг.) с ратью «... взял всю двинскую землю на щит... и посадников двинских... Есифа Филипповича и Наума Игнатовича изымаша»⁴⁴. В данном случае мы имеем дело уже с двумя двинскими посадниками — явными ставленниками Новгорода, а именно с новгородскими боярами, на что указывается в этом же сообщении: «...и отняша у них (у Анфала и Герасима) бояр новгородских... Есифа и Наума»⁴⁵. Названные здесь двинские посадники — выходцы из видных боярских фамилий, принимающие активное участие в политической жизни Новгорода. Так, Есиф Филиппович упомянут в летописи под 1411 годом как новгородский воевода в борьбе со шведами⁴⁶, а Наум Иванович назван в числе новгородских послов при заключении в 1420 году Нарвского мирного договора с немцами⁴⁷. Таким образом, новгородское происхождение этих двинских посадников не вызывает никаких сомнений.

Исходя из вышеизложенных фактов, нерешенным вопросом предположением будет мысль о непосредственной связи двинских событий 1397—1398 гг. с изменением в нормах представительства в должности двинских посадников. По-видимому, именно к этому периоду следует относить замену местного выборного, вероятно, с согласия Новгорода, посадника представителями боярской новгородской аристократии. Эта замена предполагала более сильное новгород-

⁴⁴ НПЛ, стр. 396.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ НПЛ, стр. 403.

⁴⁷ Там же, стр. 413.

ское влияние в Заволочье, более результативный и непосредственный контроль за действиями двинского боярства, имевшего тенденцию к сближению с низовскими князьями.

Наблюдение одновременного исполнения должности двинского посадника двумя лицами неизбежно приводит к поставке следующего вопроса: по какому принципу назначались эти лица и имела ли при этом значение территориальная принадлежность (имеется в виду кончанская) претендентов на эту должность. К сожалению, аргументированного и фактически обоснованного ответа на поставленный вопрос дать нельзя. Во всех случаях, когда нам известны имена лиц, одновременно исполнявших должность двинского посадника, территориальную их принадлежность выяснить не удастся. Правда, в грамоте № 132 территориальная принадлежность посадников выяснена более определенно, чем в других: Аврама Степановича В. Л. Янин относит к славенскому боярству⁴⁸, а Василия Юрьевича, признавая его сыном Юрия Дмитриевича, следует отнести к представителям Прусской улицы⁴⁹. Может быть, в назначении двинских посадников предусматривалось намеренное уравнение кончанских представительств, препятствующее усилению какого-либо из концов. Подобная тенденция вообще была характерна для новгородского посадничества начала XV века. Но, как уже говорилось, один подобный пример не может служить материалом для далеко идущих выводов, поэтому вышеизложенное предположение не может претендовать на право окончательного решения вопроса.

⁴⁸ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 377.

⁴⁹ Путем убедительных ссылок на кончанское строительство Аркажского монастыря и летописные данные удалось установить принадлежность Юрия Дмитриевича к боярству Прусской улицы. — А. С. Хорошев. Боярское строительство в Новгородском Аркаже монастыре. ВМУ, серия IX, история, 1966, № 2, стр. 77—82.